

~~1544~~
1544
В 44

Э. В И Л Е Н С К И Й

**СЫН
БЕЛОРУССИИ**

КИРОВ
О Г И З
1 9 4 3

Протяжно, повторяясь в закоулках поселка и на лесных границах, разноголосно гудели паровозы. Заслонов подумал, что, когда стоишь возле паровоза, он кричит оглушающе и очень важно, а вот издали голос его звучит тонко, как пастушья дудочка, и нежно. Было очень приятно слушать эти гудки издалека. Они не угасали сразу, а долго и гулко неслись по вольному морозному воздуху, рождая ощущение безграничного простора.

Железнодорожный поселок надвинулся сразу, вырос из темноты в один миг. Заслонов прошел знакомым переулком, свернул в проходной двор и вышел на небольшую площадь. У двухэтажного здания ходил часовой. Он остановился, услышав шаги. Заслонов подошел и спросил по-немецки:

— Могу ли я видеть коменданта?

Часовой осветил фонариком Заслонова и в узком желтоватом луче увидел шинель железнодорожника, форменную фуражку, черный порт-

02
Державна історична
бібліотека УРСР

470448
10/822
Полтавская Область
Библиотека

фель подмышкой. Немец внимательно осмотрел Заслонова и впустил его, крикнув в прихожую:

— К господину шефу!

Когда Заслонова ввели в комнату, шеф Порошинского железнодорожного узла сидел за столом и работал. Это был худой и очень высокий немец. Большой рост его виден был даже тогда, когда он сидел. Под кожей, обтянувшей сухое лицо, гуляли крепкие желваки мышц. Шеф любил жевать мятные лепешки. Заслонов быстро снял фуражку и, поклонившись, сказал:

— Здравствуйте, господин шеф. Меня прислали с биржи труда. Я—инженер Заслонов, работал раньше начальником Порошинского депо...

— А теперь?—резко оборвав Заслонова, спросил немец.

—Теперь, господин шеф, я бежал из Вязьмы, куда меня угнали во время отступления русских...

—А вы разве не русский?—шефу понравилось, что Заслонов говорит о русских, как о чем-то постороннем, и он не отказал себе в удовольствии остановиться на этой детали.

—Дело, господин шеф, не в национальности. Просто я не хочу работать на советской железной дороге. Они, видите ли...—Заслонов интимно, будто говоря с понимающим его человеком, перешел на тон откровенности:—Они, видите ли... очень мало платят. Я уверен, госпо-

дин шеф, что вы оцените меня и по достоинству вознаградите мой труд, если... если он вам нужен, конечно...

Шеф внимательно изучал Заслонова. Лепешка растаяла, и желваки перестали ходить на его щеках. Он смотрел на Заслонова острым и бесцеремонным взглядом, и ничто не укрылось от него—ни его потерянная шинель, ни порывевший портфель, ни сапоги, развалившиеся, со сбитыми каблуками. Потом шеф позволил и сказал:

—Штумфе!

Штумфе был, видимо, недалеко. Он тут же вошел в комнату.

—Штумфе, вы знаете этого человека?

Штумфе знал Заслонова и Заслонов знал Штумфе. Генрих Штумфе служил в Порошинском депо, а когда пришли немцы—остался здесь. Штумфе посмотрел и ответил:

—Так точно, господин шеф, знаю. Это инженер Заслонов. Был здесь начальником депо.

—Он — коммунист?

—Никак нет, господин шеф. Он беспартийный.

—Вы это хорошо знаете?

—Конечно, господин шеф. — Штумфе позволил себе шевельнуть уголком губ, что должно было означать улыбку знающего себе цену человека. — Но он очень хорошо работал на большевиков. Он работал лучше, чем некоторые коммунисты...

— Разве это плохо? — шеф испытующе посмотрел на Штумфе.

— Нет... это не плохо, когда так работают на нас, но это плохо, когда так работают на большевиков. Он получал премии, наше депо шло на первом месте.

— Разрешите, -- вкрадчиво сказал Заслонов. — Я для того и работал, чтобы получать премии. И если мне их платят — почему я должен работать плохо? Кто мне платит — на того я и работаю. Я — специалист, я не политик. Я — паровозник. Если мне будут хорошо платить, — я буду хорошо работать...

Шеф жестом остановил Заслонова и сказал:

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Нам известно о вас все. В частности, нам хорошо известно, что вы очень активно помогали большевикам вывозить из депо станки и имущество. Почему вы это делали?..

— Господин шеф, — ответил Заслонов, — а как я мог поступить иначе?

— Кажется, я вас допрашиваю, а не вы меня! — закричал шеф. — Отвечайте, когда вас спрашивают. Почему вы помогали большевикам?

— Я, господин шеф, — специалист. Беспартийный специалист. Надо мной было начальство. Мне приказывали — я выполнял. Если бы я сделал что-нибудь подозрительное — меня бы арестовали, и я не смог бы тогда вернуться в мое депо.

Заслонов замолчал, и шеф тоже молчал. Он продолжал смотреть на Заслонова сверлящими глазами, и Заслонову стало не по себе. Но он выдержал этот колющий взгляд и продолжал сидеть спокойно, как человек, не чувствующий за собой никакой вины.

— Хорошо, — сказал, наконец, шеф, — нам нужны люди. Можете начать работать. На угольном складе. Старшим рабочим.

— Простите, господин шеф, — мягко сказал Заслонов, — но я инженер, я не рабочий. И, насколько мне известно, у вас пока нет ни одного советского инженера, — и если я вам как инженер не нужен, я найду себе другое место. Ведь не только наше депо перешло в руки немецких властей... — и он замолчал, показывая почтение к высокому сану шефа, но вместе с тем как человек, который свое сказал и не уступит.

Немец понял это. Инженеров, действительно, у него не было. Вообще узел ощущал острую нужду в людях. А этот не вызывает особых подозрений: специалист, который выбирает себе место по вкусу и по выгоде.

— Хорошо, — сказал шеф. — Вы будете начальником над русскими паровозными бригадами. Можете показать хорошую работу на этой должности. Но глядите — если за вами что-нибудь заметят, вам не сдобровать. Я — человек коротких дел. Ни один ваш шаг не уйдет из круга моего внимания. Надо заста-

вить хорошо работать ваших машинистов. Будете добросовестны — мы вас повысим. Можете идти, а утром явитесь ко мне... — Шеф встал.

— Простите, — сказал Заслонов, — еще один вопрос. Сколько жалованья будет получать начальник над русскими паровозными бригадами?

— Жалованья? А, ведь это для вас самый важный вопрос, — шеф улыбнулся. — Жалованья? Ну... марок... двести. Хватит?

Заслонов тоже улыбнулся, но улыбнулся так, словно хотел показать, что понимает шутку начальника. — Двести? Я думаю, это в неделю, господин шеф? Не правда ли?

— Что, восемьсот марок? — шеф посмотрел на Заслонова с удивлением. — Нет, любезный, это многовато. Но, если будете стараться, через месяц дам триста. И не спорьте. Идите...

Заслонов низко поклонился и пошел к двери. Его остановил голос шефа:

— Кстати, господин Заслонов, а в шахматы вы играете? Поверите, здесь никто не играет в шахматы.

— Так точно, господин шеф, — строго, уже как подчиненный, ответил Заслонов, — так точно, играю. По вашему желанию, в свободное время могу быть к услугам. Разрешите идти?..

Так советский инженер Константин Сергеевич Заслонов нанялся на службу к немцам.

Зимой сорок первого года, когда Заслонов поступил к немцам на службу, ему было тридцать два года. Из них двадцать три он работал и учился. Девяти лет он стал пастушонком. Через четыре года он покинул свою деревню Ратково и ушел в село Паречье. Местный сапожник взял его подмастерьем. Два года он заколачивал гвозди в грубые деревенские сапоги. Потом — Великолукская профтехшкола, годы новой самостоятельной работы. Слесарь, помощник машиниста, машинист, мастер, инженер, начальник депо. Заслонов рос вместе со страной, вместе с ее заводами, железными дорогами, университетами, и жизнь его расцветала вместе с жизнью его родины, — их обоих согревало одно и то же солнце широких путей и беспредельных возможностей. И, когда немцы ступили грязным своим сапогом на белорусскую землю, Заслонов с лучшими людьми дороги ушел из Порошинска. Но он не ушел из родной Белоруссии. Он окружил себя друзьями, рабочими и спросил их:

— Будем биться, товарищи?

И ему ответили:

— Будем.

Образовался отряд. Он был на территории, занятой немцами, совсем близко от линии фронта. Заслонов сказал своим людям:

— Товарищ Сталин говорит, что надо орга-

низовать диверсионные группы. Мне пришла в голову мысль. Вернемся к себе, в депо... Как вы?

Он обвел глазами товарищей. Они молчали, вдумываясь в слова командира. Заслонов ждал. Он любил, чтоб люди обдумывали свои поступки и решения. Первым ответил Чеба, порошинский машинист.

— Что ж, предложение правильное. Конечно, можно и здесь немцев бить. Но там мы будем больше к месту... Думаю, надо итти.

Тогда Заслонов написал письмо одному из крупных работников партии. Вскоре пришел ответ — Заслонова приглашали. Он был принят, изложил свои планы, рассказал о людях. Его предложение было одобрено. Ему дали советы, указания. Крепко пожали руку и сказали:

— Вы смелый человек, товарищ Заслонов. Вы можете оказать неоценимую услугу своей родине. Желаю вам успеха. Помните, что, где бы вы ни находились, мы всегда с вами. Мы всегда будем с вниманием следить за вашей работой...

С Заслоновым пошли тридцать пять человек, среди которых были хорошо известные ему рабочие Латко и Барковский, Петр, Андрей, Чеба. Раздобыли взрывчатку и мины. У них было два ручных пулемета, два автомата, винтовки. Достали продовольствие. Погрузили на санки и пошли.

Это был трудный путь. Немцы наступали тогда, они рвались к Москве, и по всем дорогам, по всем просекам и тропинкам подтягивались к фронту войска. Стало холодно, отряд описывал круги, обходил встречные части, прятался в лесу. Путь затянулся, продукты иссякли, обувь порвалась. Ударили первые морозы, и так вышло, что целую неделю отряд ни разу не сварил себе пищи, ни разу не обогрелся. После одного привала к Заслонову подошла медсестра Кущина. — Константин Сергеевич, — сказала она, — некоторые не могут итти дальше. Ноги обморожены, не дойдут. Как быть?

Заслонов и без нее отлично знал, что в отряде есть ослабевшие, изнуренные люди. Он сам чувствовал себя очень плохо, его знобило, ныла спина. Он собрал людей и сказал:

— Я знаю, что итти с каждым днем все труднее и труднее. Я знаю, что у нас есть обмороженные. Конечно, итти в таком состоянии тяжело. Но мы знали, на что идем. Считаю, отступать сейчас — это позор. Отступить — значит изменить своему слову. Надо итти.

— Вам легко говорить, — ворчливо сказал один из партизан. — А у меня ноги, как дерево... Чего на смерть итти? Все равно погибнем, замерзнем. Надо возвращаться.

Заслонов ничего не ответил. Он сел на снег и стал стягивать с себя сапог. Размотал портянку. Из серой байки выглянули белые,

как тесто, пальцы. — Вы сказали, что мне легко говорить, — он строго посмотрел на окружающих. — Может быть, мне и легко говорить, но ходить мне так же трудно, как и вам. А я все-таки пойду. Но неволить никого не буду. Кто чувствует, что сил нехватит, возвращайтесь. Кто в себе уверен — пойдет со мной.

Он осторожно завернул портянку, натянул сапог и ушел в сторону.

Дальше на запад пошло двадцать девять человек. Шестеро вернулись — они были в очень тяжелом состоянии.

Снова потянулись мучительные дни зимнего похода через леса, насыщенные врагом, по бездорожью, по глубокому снегу.

Мокрая одежда, голод, ежесекундная угроза столкнуться с каким-нибудь немецким отрядом. Шли гуськом, след в след, впереди Заслонов, последним Чеба, который подсоблял самым слабым, подбадривал их, помогал отстававшему нести винтовку или рюкзак. Потом натолкнулись на партизанский отряд Шулейкина. Радости не было конца — землянка, горячая похлебка, жареная конина. Но эта встреча принесла и большое горе. Шулейкин дал провожатого — местного жителя Егора Фомичева, а тот оказался предателем, привел Барковского и Латко к штабу немецкого отряда. Немцы застрелили обоих, отряд еле ушел. Осталось двадцать семь человек.

Но эти двадцать семь оказались сильнее голода, стужи и опасностей, подстерегавших на каждом шагу. Они шли молча, чтобы беречь силы, они научились понимать друг друга по взгляду, по короткому жесту. Они двигались, как автоматы, осунувшиеся, полузамерзшие люди, которых цементировала одна сила — воля Заслонова. И они дошли до Порошинского района. Машинист Родников привел их в деревню, где жила его сестра. Там спрятали тол, оружие, патроны. Два дня отогревались на горячих крестьянских печах, отдыхали, лечили ноги и руки. Потом Заслонов разослал людей маленькими группами по соседним деревням, а сам с Чебой ушел в Порошинск. У Порошинска расстался и с Чебой. Чеба пошел к брату, Заслонов — на биржу труда. Он знал, что немцы очень нуждаются в железнодорожниках, что они заинтересуются бывшим начальником местного депо и наверняка захотят его использовать.

Так и случилось. Он зарегистрировался, и его вскоре послали на узел. Он пришел к шефу, и там-то у него и произошел разговор, который закончился поступлением Заслонова на службу к немцам.

Заслонов работал ревностно, придирался к машинистам и помощникам, кричал на них. Он подружился с немцами-машинистами, которые сопровождали каждый паровоз, но не работали, а только наблюдали за русскими,

готовые пристрелить их при первом подозрительном поступке. За ним следили—он видел это на каждом шагу и был дьявольски осторожен. Его трудно было подозревать, ибо не было человека, который работал бы усерднее. Он почти не выходил из депо и вел себя очень строго, сдержанно, с чувством собственного достоинства. Шеф дважды приглашал его играть в шахматы.

Заслонов не только кричал на своих машинистов, он и приглядывался к ним. Он ловил удивленные взгляды людей, которые давно знали его и не понимали, как мог продаться этот хороший и честный человек. Но он улавливал порой и смешинку в глазах некоторых старых рабочих и видел, что они догадываются, что они сумели понять его. Тогда и в глазах Заслонова сверкала искорка, мгновенная, еле заметная, но ее замечали те, кому надо было ее заметить, и Заслонов увидел, что настороженность, возникшая в первые дни его работы, исчезла; люди стали смотреть на него спокойно, не сердились, когда он кричал, распекая их за плохую работу, и, казалось, говорили:

— Понимаем, понимаем, товарищ инженер, все понимаем. Только тянешь почему? Не время ли?

Но время не наступало. Заслонов каждую ночь обдумывал все происшедшее за день, взвешивал каждое слово шефа, начальника

охраны, часового, немецких машинистов. Он анализировал всякий факт прошедшего дня, каждый жест и каждый взгляд окружавших и следивших за ним людей. Он ждал.

Прошел месяц, и однажды после выигранной партии шеф сказал:

— С сегодняшнего дня — триста марок. И, кроме того, чтоб показать, как мы вам доверяем, можете сами нанимать русских рабочих. Нам нужны люди, постарайтесь вернуть на работу всех бывших служащих депо.

Заслонов с достоинством поблагодарил шефа. Он нашел за этот месяц правильную линию поведения, выработал манеру говорить с немцами, тон, улыбку. И, еле сдерживая нетерпение, ушел.

Через день Чеба и Андрей начали работать помощниками машиниста. Петра он назначил начальником водоснабжения. Не прошло и недели, как все двадцать шесть партизан заслоновского отряда уже работали—кто слесарем, кто машинистом, кто на водокачке, кто на стрелках.

На большом отрезке пути между Порошинском и Смоленском были расставлены люди Заслонова. Отряд вырос. В него входило уже сто человек—машинисты, слесари, угольщики, стрелочники, сцепщики—и эти сто человек беспрестанно в какой-то степени решали работу транспорта между Порошинском и Смоленском. И, когда Заслонов почувство-

вал свою силу, увидел, что ему доверяют, что пора начинать, он сказал Чебе, вернувшемуся из очередного рейса:

— Рубанем!..

3

В ту же ночь Чеба пошел к сестре Родинова. Оттуда в мешках с картофелем он привез тол. Заслонов встретил его на квартире у Ильи, работавшего на угольном складе. Илья сидел на крылечке два часа, а Заслонов развернул перед Чебой всю систему диверсий, которую он до мельчайших деталей разработал за этот месяц. Чеба слушал с величайшим вниманием и удивлением. Он восхищался инженером. Не было, казалось, ни одной детали, которую не продумал или не учел Заслонов. Он предусмотрел все—и связь между людьми, и способы передачи тола, и методы диверсионных актов. Система Заслонова, на первый взгляд, казалась довольно однообразной—задачу отряда он сводил в основном к одному—к порче паровозов. Но, чем подробнее раскрывал он перед Чебой свои планы, тем яснее вырисовывались глубочайшая продуманность предстоявших операций и их разнообразие.

— Понимаешь, Чеба,—говорил Заслонов,—нам нельзя действовать локализованно. Мало уничтожить состав: его уберут и пойдут но-

вые. Мало сжечь паровоз: у немцев найдутся другие. Мало на день застопорить движение: через день-два оно возобновится. Надо уничтожать составы регулярно и методически. Надо портить паровозы пачками — десятками. Надо нарушать движение каждый день, чтобы немцы не могли перебрасывать людей и грузы. Но все это следует обставить так, чтоб нас не поймали ни на первой, ни на десятой операции.

И он снова и снова говорил Чебе о конспирации, о разнообразии методов, о том, что диверсии надо производить в разных местах, руками разных людей, в разное время. Потом он научил Чебу и Илью делать такие мины, которые могли пойти в дело, не вызывая подозрений немцев.

— Видите, какая простая штука, — сказал Заслонов, положив готовую мину на стол. — Работает безотказно. Если попадет на колосниковую решетку — произойдет обвал колосников. Если ляжет к стенке топки — взрыв разрушит топку. И в том, и в другом случаях паровоз станет, а, как известно, вагоны без паровоза двигаться не могут. Следовательно, лучше, если мина взорвется на перегоне. Поезд остановится в пути, и за ним надо гнать другой паровоз. Глядишь — и не работает линия десять, пятнадцать часов, а то и сутки. Ну, как?

И началась работа. Мины шли из поселка

на угольные склады, со складов—в руки своих людей на паровозы. Изю дня в день гремели взрывы в паровозных топках, мины разрушали колосники—это бывало реже, а чаще всего разворачивали топку так, что Заслонов сокрушенно разводил руками, когда израненный паровоз приходил в депо. Бывало, что день обходился без аварий. Тогда назавтра выбывало из строя три, четыре, иногда и пять паровозов. Заслонов приходил к шефу и твердо говорил:

— Господин шеф, если ваша полиция не примет мер, эти партизаны выведут из строя весь мой паровозный парк. Я отказываюсь работать в таких условиях. Пока мы еще выполняем ремонт текущие потери, но, если и дальше так пойдет,—дорога остановится.

Но шеф не желал слушать Заслонова.— Что ваши паровозы!—кричал он.—Пусть они хоть все взрываются, но в депо. А они рвутся на перегонках. Вы понимаете, что это значит! Задержки, пробки. Я имею крупные неприятности от военного командования, мы срываем им перевозки!..

Заслонов почтительно слушал и соболезнующе кивал головой. Пока его не подозревали. За последние две недели, с тех пор, как начались эти топочные взрывы, он ни разу не уходил с территории депо, ни разу не подходил к паровозу, если рядом не стоял какой-нибудь немец, не останавливался возле

слесарей, не говорил с глазу на глаз с русскими машинистами. Его не подозревали, но все же на всякий случай за ним ходили по пятам, его не оставляли ни на минуту. Это был самый ответственный момент, и этот экзамен надо было выдержать. Даже тень подозрения сразу сорвала бы все дело. И Заслонов не навлек на себя подозрений. Чеба имел подробнейшие инструкции и мог действовать самостоятельно.

За первый месяц машинисты Заслонова вывели из строя пятьдесят паровозов. Тогда на улицах Порошинска появилось объявление, в котором за поимку злостного начальника местных партизан была обещана награда — пять тысяч марок и золотые часы.

— Маловато, — подумал Заслонов, прочитав объявление, — пожалуй, я обойдусь им дороже.

Немцы стали разрубать крупные куски угля, они искали в них мины. Но жены деповцев научились так искусно делать мины, что они проходили через руки гестаповцев, и те ничего не замечали.

Но тут начались для немцев неприятности и другого рода. Вступала в действие система разнообразия. Машинисты замораживали инжекторы, паровоздушные насосы и магистрали, воздухораспределители, прессмасленки. Потом партизаны стали заливать водой из паровозов пути и стрелки. На путях нарастали глыбы льда, составы сходили с рельсов. Потом полу-

Д. Рабзина Исторична
Библиотека УРСР

470448
107822

Белорусская библиотека

чилось так, что три паровоза пошли под уклон и разбились три других паровоза. Потом во время одной из бомбежек два паровоза свалились в поворотный круг и вывели его из строя. Потом мина взорвалась в топке бронепаровоза, который только-что вышел из ремонта. Особенно сильная авария случилась с поездом, который вез воинскую часть. Взрыв произошел на повороте, на высоком месте. Поезд свалился по крутому откосу, и почти все вагоны были разбиты. Убитых триста, раненых — около того.

В Порошинск приехал большой отряд гестаповцев, занявшихся исключительно поисками партизан. Награда за голову партизанского командира увеличилась вдвое — десять тысяч марок. Все было бесполезно — сила заслоновской системы заключалась в строжайшей конспирации, в разнообразии методов, в неожиданности и внезапности наносимых ударов. За второй месяц деятельности Заслонова в депо на ремонт ушло шестьдесят три паровоза. Кроме того, немало было разбито составов, испорчено водокачек, стрелок, разных механизмов.

4

На Порошинский узел стали налетать советские бомбардировщики. Они прилетали ночью, и страшные удары сотрясали тогда

землю, вспыхивали пожары. Заслонов приказал спрятать в печные и водосточные трубы фонарики — сигнализацию для летчиков. — С земли не увидят, а штурманам — как на ладони.

Однажды на узел сообщили о приближении советских самолетов. В этот день впервые должна была заработать сигнализация. Заслонов сразу же, по тревоге, вместе с офицером, начальником охраны ушел в подвал. Он просидел там до тех пор, пока кончилась бомбежка. Когда они с офицером вышли, перед ними предстала страшная картина разрушений: сигнализация свое сделала. Утром Заслонова арестовали.

Это был восьмой раз, что его водили к начальнику прибывшего отряда гестапо. Тот сразу не взлюбил Заслонова и не старался скрыть, что считает его виновником диверсий. Но доказательств у гестаповца не было, а Заслонов вел себя спокойно и твердо.

Теперь кто-то донес о сигнализации. Гестаповец встретил Заслонова дикой бранью. Он долго кричал, бегал по комнате, в конце концов начал хлестать Заслонова плеткой. Инженер поднял руку и сказал: — Остановитесь! Вы подозреваете меня в том, что я сигнализировал самолетам? Но ведь я просидел все время в подвале с начальником охраны.

Офицер вызвал начальника охраны, и тот охотно подтвердил, что Заслонов был с ним.

Офицер был очень недоволен, но ему пришлось смириться.

— Простите меня, господин Заслонов, — сказал он, — простите и забудьте то, что сейчас произошло.

И он повел совсем другой разговор. Заслонов — советский инженер. Он может подружиться с рабочими, может многое узнать, в частности разведать, где находится центр всех этих диверсантских групп. — Я же понимаю, что здесь действует много отрядов, — сказал офицер, — и понимаю также, что ими руководит какой-то центр. Раскройте нам его, и вы уедете в Германию, будете пользоваться почетом, мы дадим вам денег, достойную вас службу...

Он долго говорил на эту тему, и Заслонов обещал подумать. Ведь рабочие ему не доверяют. Он посмотрит — можно ли что-нибудь сделать. Через несколько дней он скажет, придет и скажет...

— Нет, господин Заслонов, — офицер насмешливо смотрел на инженера, — я хочу вас видеть каждый день, может быть, вы сегодня что-нибудь узнаете или завтра. Я прошу вас приходите ко мне ежедневно утром, скажем... между девятью и четвертью десятого... Прошу вас именно в это время. Не возражаете?

Это была не просьба, это было приказание, и Заслонов молча поклонился. Когда он вышел на улицу, он заметил на другой стороне

какого-то человека, который пошел за ним и не отставал весь день. Заслонов передал через Илью Чебе, чтобы тот вечером пришел в баню. Шпик проводил инженера до бани. Заслонов стоял под душем и тихо говорил с Чебой. Потом он надел чебин белый полушубок, оставив ему свою черную шинель, и, подняв воротник, ускользнул от своего преследователя.

Когда Чеба и еще двое машинистов — Алексей и Михаил — через три дня встретились с Заслоновым в деревне, которая лежала в пятидесяти километрах от Порошинска, Чеба принес объявление, снятое с деповских ворот. Немцы посулили за голову Заслонова пятьдесят тысяч марок.

5

Сквозь ветки густого ольшанника солнце бросало блики на живописную группу людей. Защитные военные костюмы без петлиц и с петлицами, кожаные брюки и суконный френч, куртка, перешитая из солдатской шинели на крестьянский лад, ватные штаны и легкая холстинная рубашка. На пеньке сидел человек в фуражке пограничника с зеленым околышем. Он внимательно слушал своих собеседников, вглядываясь в них темными, умными глазами. Когда все высказались, он встал. На нем были расстегнутый штатский пиджачок, брюки, заправленные в сапоги. Через плечи ремни.

На левом боку висела кожаная сумка, на правом — маузер в большой деревянной кобуре.

— Значит, все ясно, — сказал он. — Дело пройдет успешно только в том случае, если удар будет внезапным и дружным. Охрана там сильная, следовательно, схватка будет жаркой. Но Саша привык к горячим схваткам, — он ласково посмотрел на молодого партизана, прислонившегося к дереву, — на него можно положиться. Только надо получше поджечь склады, чтобы не погасли... — он усмехнулся.

Трудно было узнать в этом командире Заслонова, того инженера Заслонова, который работал у немцев в Порошинском депо. Теперь он был среди своих, и это был совсем другой человек.

Инженер Заслонов исчез, его больше не существовало. Вместо него появился дядя Костя, отважный и бесстрашный руководитель партизанских отрядов, крупный командир, человек большого размаха и широкого кругозора.

Уйдя из Порошинска, Заслонов не бросил облюбленного им участка железной дороги: диверсии производились извне, и в последдеповский период заслоновские люди, ушедшие с ним в леса, взорвали еще шестьдесят пять паровозов и немало поездов пустили под откос. Но после ухода из Порошинска Заслонов попал на привольные поля и леса своей

страны, перед ним открылись широкие возможности, вокруг него жили десятки тысяч его земляков, он мог действовать свободнее — за ним не ходили по пятам немецкие соглядатаи. И он расширил свои связи с крестьянами окрестных деревень, установил контакт с соседними партизанскими отрядами, собирал и воспитывал свою группу отрядов.

Лесную партизанскую жизнь делили с Заслоновым его близкие друзья и товарищи: его комиссар и самый близкий помощник Лявон, бывший ранее партийным работником, Анатолий, Петр, Саша Соловьев, Кадо, Алексей, Михаил, Фомич, Володя. С их помощью повел он беспощадную борьбу против немецких частей полиции, карательных отрядов. Партизаны организовали целую серию взрывов, крушений, поджогов, нападений на волостные управы, комендатуры, транспорты и обозы, на склады и хранилища горючего.

Слава о Заслонове широко прогремела в округе. Имя его стало любимым не только среди партизан, но и среди широких масс крестьянства. Партизаны называли его дядей Костей. Крестьяне — Константином Сергеевичем. Достаточно было явиться в село посланцам от Константина Сергеевича, как со всех сторон несли им муку, хлеб, сало, крупу. Партизаны были очень скромны и брали только необходимое. Так учил их Заслонов, который говорил своим людям, уходящим за про-

довольствием: „Берите только самое нужное“.

Для своих командиров и бойцов он стал родным отцом. Объединив под своим началом многие сотни людей, он оставался простым человеком, заботливым и ласковым. Партизаны чувствовали в нем и начальника, и друга — ближе которого нет. Однако он был очень строг. Он всегда требовал безоговорочного выполнения своих приказаний, не выносил недисциплинированности, безответственности, неорганизованности.

Вечером Саша ушел, и Заслонов сразу загрустил — операция была очень опасной. — Спел бы что-нибудь, Женька, — сказал он своему адъютанту, Евгению Корженю, восемнадцатилетнему шустрому пареньку, который ни на шаг не отходил от своего командира. Женька был очень близок Заслонову, предан ему целиком и, не задумываясь, отдал бы жизнь по первому взгляду командира. Пел он хорошо, высоким радостным голосом, очень быстро запоминал мелодии и особенно любил песенки из кинофильмов: — Разве мне, дядя Костя, в партизанах быть, — говаривал он. — Мне бы в Москве, в Большом театре петь... Вот кончим войну — с Козловским конкуренцию устрою...

Женька спел народную песню „Бадай пана“, начал „Спи мое дзіцятка“, но Заслонов плохо слушал и вскоре уложил всех спать. А сам ходил по сонному лагерю и напевал свою любимую песню:

Сядь-ка рядом, что-то мне не спится,
Письмо в Москву сегодня написал.
Письмо в Москву, далекую столицу,
Ту, которую давно я не видал...

Он знал только один куплет, повторил его несколько раз, а потом свистел и снова пел. Он не спал всю ночь и утром первым встретил сашиного друга Андрея, который вернулся с налета на склады. Внимательно посмотрел на него и увидел на поясе пистолет Саши.—Говори,—сказал он Андрею.—Говори все, слышишь, все...—Застывшими глазами смотрел на Андрея, пока тот докладывал, а потом уронил голову на руки и заплакал. Этого еще никогда не видели партизаны, но они понимали командира—он потерял любимого человека.

— Что ж, дядя Костя, — сказал Андрей, — это ведь война...

— Что? Да, да... война. Слушай, Платоныч, поезжай к ребятам, успокой их. Скажи, что я назначил командиром отряда самого близкого друга Саши Соловьева — Андрея. И быстрее возвращайся.

К вечеру Платоныч вернулся. Заслонов подробно и с пристрастием расспрашивал его о настроении бойцов, о деталях налета. Когда же Платоныч стал говорить о подробностях смерти Соловьева, Заслонов сразу помрачнел и слушал его с невыразимой грустью.

Возле деревни Рогачки немцы нащупали в лесу один из заслоновских отрядов и стали подбрасывать к этому лесу силы. Заслонов решил углубиться в лес.

Но утром выяснилось, что немцы, почти не отрываясь, идут за партизанами. Противник стянул уже три дивизии, подвез орудия, минометы, танки. На линии ходили бронепоезда. Вся эта сила двинулась на три сотни партизан основного отряда Заслонова, на его соседние отряды и на другую группу отрядов, которая базировалась неподалеку.

Радистка Ася, только что установившая под кустом свою рацию и забросившая на елку антенну, начала устанавливать связь. В наушники ворвалась передача из Москвы. Ася послушала, сорвалась с места и помчалась к Заслонову. Он сидел с командирами, держа на коленях немецкую карту. — Дядя Костя, — закричала Ася, — вас орденом Ленина наградили, сама Указ слышала...

Весть о награждении дяди Кости мигом облетела отряды, и во время боя к Заслонову то и дело подбегали его люди, чтобы поздравить, пожать руку, обнять.

Бой был трудный. Заслонов маневрировал, хитрил, отступал, оставляя заслоны, отряды прикрытия. Ему удалось обмануть немцев, оторваться от них. Тихо, без вздоха и шороха уходили партизаны в лес.

И ушли. Сделали привал. Люди мгновенно уснули. А Заслонов стал вырабатывать план совместных действий всех отрядов, базировавшихся в тех лесах. Он пробрался к соседям и долго работал там, обсуждая с командирами обстановку и возможные варианты боя.

— Кстати, дядя Костя, — сказал ему один из командиров соседнего отряда, — почитай-ка эту бумажку.

Заслонов развернул маленький, пожелтевший от клея листок. На нем было напечатано: „Объявление. Тому, кто живым или мертвым доставит партизанского главаря Заслонова, будет выдана награда: крупное промышленное предприятие в Германии, в вечную собственность или что пожелает. Крестьяне по желанию могут получить двойное поместье“.

Утром снова немцы нащупали партизан, и снова три дивизии бросились на них. Это был самый тяжелый бой Заслонова. Он взял на себя большую ответственность — руководство не только своими, но и соседними отрядами. Всего под его командованием собралось около двух тысяч человек. Но все его силы оказались в полукольце, которое готово было с часу на час замкнуться.

Две тысячи человек были обречены на гибель, на поголовное уничтожение. Это было ясно командирам отрядов и они с надеждой смотрели на своего полководца, который в

сотый раз изучал карту и без конца советовался с местными крестьянами-лесовиками, хорошо знавшими этот путанный район лесных массивов.

— Мне нужно два часа, — сказал Заслонов, — надо выкроить два часа. Потом все будет хорошо. Мы рубанем их...

И его основной отряд получил задачу выкроить нужные два часа. Его отряд принял на себя главный удар в то время, когда остальные отряды спешно начали передвижение. Немцы не знали, что перед ними всего сотни людей, и бросились на них всей своей массой, обрушили на них тучу снарядов, мин, пуль... Но партизаны выстояли и дали Заслонову нужные два часа.

А затем произошло все то, что придумал и подготовил Заслонов. Нескольким десяткам людей он приказал отступить. Они разыграли вынужденное отступление, которое враг может принять за последнее усилие еще сопротивляющихся, но уже разбитых и деморализованных людей. Маленькая группа людей уходила на юг, уводя за собой по густому лесу немецкую орду. Вдруг немцы увидели, как поредели деревья, как засинело небо в пролетах чащи. Перед ними открылась безлесная равнина, на другом конце которой скрывались в лесу фигурки последних партизан. Не раздумывая, бросились немцы через равнину, даже не заботясь о том, что идут без

техники, ибо их танки и пушки не могли так быстро пробраться через лесную чащу. И тут их встретил сюрприз Заслонова. Он долго искал такую равнину — узкую, удобную для засады. Лесовики помогли ему найти ее. И он, поручив отступать лишь маленькой группе, создал по бокам равнины два мощных кулака — по семьсот — восемьсот человек. На незащищенных лесом немцев обрушился страшной силы удар. Полторы тысячи винтовок и автоматов, шестьдесят пулеметов ударили по вражеской пехоте, и немцы стали падать целыми косяками, покрывая зеленую траву равнины толстым серо-зеленым слоем своих тел. Партизаны выскочили из-за кустов, из-за деревьев, закричали „ура!“ и бросились в атаку. Две тысячи гитлеровцев осталось тогда на равнине, окруженной густыми лесными чащами, а когда немецкое командование пришло в себя, — Заслонов уже был далеко, уводя свои отряды почти без потерь.

После этих боев Заслонов понял, что нельзя сосредоточивать в одном месте большие силы. Он разделил своих людей на небольшие отряды и, продолжая руководить ими, выделил каждому район действий. Новая система дала невиданные результаты. В десятках пунктов начались пожары, загрохотали взрывы, нарушились коммуникации врага... Сто семьдесят восемь паровозов первого периода деятельности отряда Заслонова оказались только

почином. На свой счет он записал пятьдесят крушений поездов, десятки тысяч тонн сожженного и отобранного у немцев зерна, много убитых бургомистров, старшин, полицейских, комендантов,—среди них был даже комендант Смоленска, полковник, — карателей, изменников, шпионов. А главной гордостью Заслонова была цифра истребленной его отрядами живой силы, солдат и офицеров регулярной германской армии: по самым строгим и скромным подсчетам, партизаны Заслонова уничтожили свыше пятнадцати тысяч немцев.

Осенью тысяча девятьсот сорок второго года общее собрание коммунистов отряда приняло Константина Сергеевича Заслонова в партию.

7

В этой деревне все знали дядю Костю. Не было, пожалуй, такого дома, где не побывал Заслонов, где не почаевничал он, где не спел вместе с Женькой и хозяевами любимых песен.

В полутора километрах от деревни горбилась в лесу штабная землянка отряда. Ее построили по чертежу и под руководством Платоныча. Два врезанных в землю глубоких уступа служили нарами, на которых могло расположиться около полусотни человек. Между этими уступами была вырезана траншея. В пол ее упирался столб, поддерживавший потолочный брус. Возле столба топилась печка.

В землянку партизаны уходили при появлении в округе немецких карательных или регулярных частей. Если же было спокойно, — люди в перерывах между операциями отдыхали в деревне.

Дядя Костя провел эту ночь в деревне. Он спал, как обычно, на полу, не желая стеснять хозяев. Проснулся рано, встал, собрал солому, служившую ему постелью, вынес в сени. Хозяйка возилась у печки, и оттуда тянуло теплым запахом свежего хлеба. — Скоро, Константин Сергеевич, вынимать буду, — сказала она и улыбнулась широкой и доброй улыбкой.

Звякнула щеколда, и в избу вошел рослый партизан. Лицо его осунулось. Крепкий мороз подубил кожу, скулы отдавали синевой. Он проковылял к скамье и сел.

— Плохо, дядя Костя, — сказал он. — Фрицы всю ночь за мной шли. Ноги мои совсем никуда не годятся, еле ушел. Боюсь, как бы гости сюда не пожаловали...

Но Заслонов уже не слушал партизана. Он быстро стянул с него сапоги. Ноги были совсем белые, на одной два пальца начали темнеть. — Да, друг Коржик, — сказал, нахмурившись, Заслонов, — дело твое не праздник, прямо скажу.

— Дядя Костя, — умоляюще сказал партизан, — вы про меня бросьте думать. Ненароком немцы придут. Уходите лучше...

А дядя Костя уже послал Женьку за Ляво-

ном и Платонычем, ночевавшими в соседней избе, и принялся растирать обмороженные ноги Коржика, смазал их каким-то жиром, а потом, стянув с себя сапоги и размотав портянки, снял толстые, грубой вязки шерстяные носки. Он осторожно натянул их на Коржика, а потом снова обулся. В это время пришел Платоныч.

— Здоров, начштаба, — сказал Заслонов. — Вот Коржик говорит, что гости к нам идут. Действуй, да побыстрей. Всех больных и раненых, цинки с патронами и мясо сейчас же отвези в землянку. А пока выставь дозор в лесочке, что к Сычевке тянется, и на дороге к Ивановке. Из Ивановки, правда, вряд ли придут, но человека все же поставь.

Начштаба повел из избы Коржика и, быстро отдав приказания, так же быстро усадил на сани больных, нагрузил мясо и цинки и повез к базе. Заслонов с Лявоном и Женькой стали собирать по деревне людей.

В это время из Сычевского леска загремели выстрелы. Человек тридцать партизан, ночевавшие той ночью в деревне, уже собрались возле Заслонова, Лявона и Женьки.

— Товарищи, — сказал Заслонов, — время дорого. Надо их задержать, пока наши больные к базе доберутся.

Тяжело переваливаясь в глубоком снегу, партизаны огородами побежали к Сычевскому леску. Заслонов задержался возле хаты, чтобы

отдать какое-то приказание четверем оставшимся возле него партизанам. В эту секунду со стороны Ивановки хлопнул одиночный выстрел и за ним серебряной дробью рассыпалась в морозном воздухе автоматная очередь. — За мной! — крикнул Заслонов и побежал, размахивая маузером, назад, к дороге на Ивановку. Навстречу ему мчался молоденький партизан. — Дядя Костя, там их много, человек двести... силища...

— А ты испугался? — Заслонов засмеялся, но тут же снова стал серьезным. С ним было шесть человек — Женька и пятеро партизан. Он седьмой. Небогато, но немцев надо остановить, надо защитить тыл отряда, который дерется на другом конце деревни.

В воздухе засвистели пули, и Заслонов открыл встречный огонь. Немцы были уже совсем близко. Женька не отходил от Заслонова, старался вылезть вперед и трещал из своего автомата. Вдруг он вздрогнул и начал оседать. — Женья, Женичка, что с тобой? — Заслонов бросился к адъютанту. В этот момент он почувствовал удар в грудь и сразу стало горячо под кожанкой, и все поплыло вокруг...

Тридцать человек, отстреливаясь, ушли в лес. Они не могли удержаться, противник бросил на кучку партизан два батальона. Немцы вошли в деревню и остановились у тела Заслонова. Они пригнали крестьян и стали спрашивать, кто лежит, кого это они убили. Кре-

стьяне молчали, мрачно глядя на тело Заслонова, и проходили мимо. Только Авдотья, у которой ночевал Заслонов, сказала переводчику:

— А кто его знает. Партизан — это верно. Да разве у них узнаешь. Все у них Максимы или Иваны или дяди Антоны. Кабыть, Петром его звали...

Немцы ушли, забрав с собой двадцать мужчин, и приказали похоронить убитых.

На похороны пришла вся деревня. Крестьяне пошли длинной вереницей мимо могилы. Они шли по одному, медленно, хмурые, сосредоточенные в торжественном молчании, сквозь которое глухо прорывались рыдания женщин. Люди останавливались у могилы, отвешивали поклоны, бросали горсть земли и говорили:

— Прощай, наш друг, Константин Сергеевич...

Утром на могилу пришел еще раз проститься с дядей Костей Лявон. Он стоял у маленького холмика, на который ночная пурга намела много пушистого, мягкого снега, долго стоял, без шапки, глядя на этот холмик, словно хотел пронзить взглядом землю и хоть на мгновение снова увидеть любимого командира. Потом он присел на пенек, вынул из сумки листок бумаги — это было начатое письмо другу — и стал писать: „Пришел я сейчас на дорогую могилу Константина Сергеевича и за-

плакал. Никогда это застывшее тело не затрепещет ни от ласки поцелуя, ни от страха, ни от страдания. Больше никогда не увидим мы этого бесценного человека. Спи, мой дорогой, спокойным сном. Твои партизаны завершат наше дело до конца. Я сам поведу их в новые бои...»

Он остановился, перечитал последние строчки и, подумав, добавил:

„Клянусь над твоим прахом, что враг крепко поплатится за твою смерть...“

— Клянусь! — повторил он громко. — Клянусь!

И он ушел, и ему казалось, что клятва его еще гремит над могилой Заслонова, что эхо передает ее от леса к лесу, от деревни к деревне, от города к городу, и что не смолкнет она никогда, останется, как вечный памятник Константину Заслонову.

8

От леса к лесу, от деревни к деревне, от города к городу прошла молва о смерти Константина Сергеевича—дяди Кости. Не верили крестьяне, не хотели они принять его смерти—так велик был в их душе его образ, так близок был их сердцу этот народный герой. Но приходили люди и еще люди, а когда их спрашивали:—Это правда?—отвечали, опустив голову:— Да... правда...

Во многих селах, деревнях и городках выросли новые партизанские отряды. Первый отряд организовался в деревне, где погиб Заслонов. На другой день к Лявону, который с горестью и жаром мщения в груди занял место Заслонова, пришло тридцать человек — свидетелей смерти Заслонова и участников его похорон. „Мы — отряд, — сказал старейший, — мы хотим, чтоб наш отряд назвали заслоновским“. Группы и отряды имени Заслонова возникали всюду, куда приходила горестная весть о смерти партизанского командира. К Лявону приходили уполномоченные от деревень, ходоки, крестьяне-одиночки. Бывший товарищ Заслонова по депо Владимир организовал свой отряд. Другой отряд, правда, небольшой, всего тридцать человек, сразу совершил несколько удачных диверсий. Этот отряд, действовавший на железнодорожных коммуникациях, наносил такие удары, что немцы даже подумали: не жив ли Заслонов, не пущен ли слух о его смерти для маскировки?..

Росли и продолжают расти отряды, которыми командовал Заслонов, растут другие отряды, которые носят его имя — в своем ли названии, в своем ли пламенном сердце. Белоруссия мстит за своего сына — Героя Советского Союза Заслонова, за его братьев и сестер, за всех замученных и убитых немцами сынов и дочерей советского народа.